
АНТИРОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕНТ

Стожко Д. К.*

В статье рассмотрены вопросы философии и идеологии осуществления санкционной политики со стороны западных стран, ее особенности, характер и последствия на разных этапах исторического развития. Особое внимание обращено на антироссийские экономические санкции, их растущее несоответствие объективным экономическим интересам тех стран, которые используют их в международной практике. Обосновано положение о конъюнктурном характере экономической санкционной политики «коллективного Запада» как проявлению идеологии радикального монетаризма. Глубинной основой санкционной практики является техногенетический характер современных западных цивилизаций, в отличие от российской цивилизации и Русского мира с их культурно-генетическими основаниями. Сделан вывод о глобальном характере современной санкционной проблематики и ее прямом влиянии на энтропию мировой экономики и международных отношений.

На конкретных исторических примерах показаны эволюция антироссийской санкционной экономической политики, изменения ее динамики и связанных с нею рисков в области обеспечения устойчивого социально-экономического развития нашей страны.

Ключевые слова: информационное общество, «коллективный Запад», культура, общество потребления, общество риска, философия хозяйствования, цикличность, экономические санкции.

ANTI-RUSSIAN ECONOMIC SANCTIONS: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONTENT

The article deals with the issues of philosophy and ideology of the implementation of the sanctions policy by Western countries, its features, nature and consequences at different stages of historical development. Particular attention is paid to anti-Russian economic sanctions, their growing inconsistency with the objective economic interests of those countries that use them in international practice. The position on the opportunistic nature of the economic sanctions policy of the “collective West” as a manifestation of the ideology of radical monetarism is substantiated. The deep basis of the sanctions practice is the techno-genetic nature of modern Western civilizations, in contrast to the Russian civilization and the Russian world with their cultural and genetic foundations. The conclusion about the global

* Стожко Дмитрий Константинович – к. ф. н., доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

Dmitry K. Stozhko – Ph.D. Phil., Associate Professor at the Department of Creative Management and Humanities at the Ural State University of Economics. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

nature of modern sanctions issues and its direct impact on the entropy of the world economy and international relations is made.

Based on specific historical examples, the evolution of the anti-Russian sanctions economic policy, changes in its dynamics and the risks associated with it in the field of ensuring sustainable socio-economic development of our country are shown.

Keywords: *information society, “collective West”, culture, consumer society, risk society, business philosophy, cyclicity, economic sanctions.*

Введение

Целью настоящего исследования является выявление историко-философского контента антироссийских экономических санкций, их природы, характера, содержания, масштаба, динамики и последствий. Данная цель предполагает обращение к истории вопроса и его осмысление в концептах социальной философии и философской антропологии.

Буквальное значение термина «санкция» (от лат. *sanction* – строгое решение, нерушимый закон) гласит, что она представляет собой мероприятие против стороны, нарушившей соглашение, договор [Комлев 2006]. Иными словами, в основе санкции как определенного действия лежит принцип эквивалентности, сформулированный еще в IV в. до н. э. Аристотелем. Рассуждая о «справедливом равенстве», он, в частности, отмечал, что действия должны быть пропорциональны, соизмеримы и сопоставимы между собой, поскольку на этой основе строится правосудие [Аристотель 2010: 139–142].

Однако в обывательском сознании, равно как и на практике, санкциями со временем стали считаться действия, не имеющие никакого отношения к обязательствам той стороны, к которой такие санкции применяются. Новым смысловым конструктом понятия «санкция» стало слово «наказание», часто осуществляемое без причин либо по причинам, не имеющим никакого отношения к принципам эквивалентности, социальной справедливости, социальной ответственности и социальной безопасности. Поскольку «политика есть концентрированное выражение экономики», чаще всего отдельные люди и целые страны сталкиваются именно с экономическими санкциями. Довольно расхожим стало выражение некоторых современных западных политиков о том, что та или иная страна «дорого заплатит» за свои действия, которые этим политикам не понравились, но никакими двусторонними и многосторонними соглашениями (договорами) не регламентировались. На этой зыбкой почве и процветают в настоящее время политика двойных стандартов, информационная асимметрия (если не сказать дезинформация), открытый «хайп» и «стэндинг» (термин Ж. Бодрийера). По усмотрению той или иной стороны в практике международных отношений на первое место ставится то принцип суверенитета и территориальной целостности, то принцип народного самоопределения, то вообще собственные интересы и интересы третьих лиц, как это было в Косово, Ираке, Ливии, Сирии и некоторых других странах, ставших объектами не только политики двойных стандартов и экономических санкций, но и прямой агрессии извне. И все это стало возможным только потому, что инициаторы таких санкций и последующих действий уходили от ответственности, а сами государства – объекты агрессии оказывались в одиночестве, без необходи-

мой помощи мирового сообщества. Исключения составляют, пожалуй, только страны Индокитая (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), которые в 60-х гг. XX в. при поддержке стран бывшего социалистического содружества сумели успешно противостоять напору «блестителей международного правопорядка» и «архитекторов однополярного мира».

Тем не менее коллективный Запад, в том числе НАТО и Евросоюз, до сих пор не отказался от санкционной политики, видя в ней важный рычаг влияния на другие страны. Только «рычаг» этот в сложившихся условиях уже не работает, дает сильную «отдачу» по самим инициаторам санкций.

По своему практическому характеру экономические или политические санкции могут быть достаточными или недостаточными. Первое означает действие принципа эквивалентности, второе – его нарушение. Нюансы и оттенки смыслового значения термина «санкция» раскрываются в понятиях «довольно», «вполне» и «достаточно». «Эти понятия отличаются между собой усилением степени необходимой меры» [Колесов 1988: 101]. Избыточные меры не являются признаками санкции, поскольку свидетельствуют о произволе самих субъектов, такие санкции применяющих, и не соответствуют изначальному их определению.

Иными словами, санкция есть действие, равное противодействию, практика компенсации или предупреждения ущерба, но никак не способ наживы. «Ведь дело в том, что и государство держится на пропорциональном ответном давлении» [Аристотель 2010: 141]. Неслучайно поэтому до сих пор в законодательной практике в качестве базового правила соблюдается принцип такой пропорциональности соответствия преступления (правонарушения) и наказания (санкции). Правда, порой достаточно сложно определить как саму меру «необходимой обороны», так и ее превышение. Дело в том, что наши представления о таком соответствии и необходимой пропорциональности могут меняться и меняются в действительности под влиянием тех или иных объективных и субъективных обстоятельств. Например, под влиянием трансформации разных систем ценностей и их превращения в те или иные социальные институты [Стожко 2018; 2019].

Исторические аспекты экономических санкций

Считается, что одним из первых случаев использования экономических санкций был инцидент в Древней Греции в V в. до н. э., когда Афины запретили кораблям из города Мегары разгрузить зерно у своих берегов [Сакоян 2014]. В дальнейшем санкционная политика получила свое развитие во многих странах мира. Уже в Новое время в качестве наиболее яркого примера такой политики можно назвать знаменитую континентальную блокаду Великобритании со стороны Франции и зависимых от нее государств (1806). К этой блокаде после заключения Тильзитского мира (1807) вынуждена была временно присоединиться и Россия.

Первым случаем экономических санкций со стороны отдельных стран Западной Европы против Руси считается запрет на поставку продовольствия в Великий Новгород в 1137 г. Затем в 1437 г. Ливонский орден запретил ввоз в нашу страну зерна из Прибалтики, эта мера продержалась 30 лет [Трифонов 2022].

Конечно, далеко не все европейские страны стремились изолировать русское государство. Так, В. С. Пикуль в своем историческом романе «Псы господни» описывает первую встречу английской экспедиции Ричарда Ченслера (1521–1556),

прибывшей в 1553 г. на борту «Бонавентуры» к русским берегам и высадившейся неподалеку от поселения Холмогоры в низовьях Северной Двины, почти на побережье Белого моря. Р. Ченслер так описывал свои впечатления от увиденного: «Близ Холмогор дымили деревни, на зеленых пожнях паслись тучные стада, голосили по утрам петухи, а кошки поморов признавали только одну рыбу – перламутровую семгу. В сенях крестьянских изб стояли бочки с квасами и сливочным маслом» [Пикуль 2006: 203]. Однако в 1561 г. немцами была предпринята настоящая блокада английских кораблей, направлявшихся на Русь, ради ее изоляции.

Одним из первых инициаторов санкций, направленных против русского государства, был также испанский наместник в Нидерландах герцог Альба, который в 1570 г. на встрече европейских монархов во Франкфурте предложил наложить запрет на ввоз в Московию меди и бронзы, из которых на Руси делали в те времена пушки [Круть 2015]. Первым случаем практического применения экономических санкций против нашей страны стало событие, случившееся в царствование Ивана IV Грозного, который в своем стремлении модернизировать русское хозяйство и быт «на европейский лад» поручил саксонскому дипломату и купцу Гансу Шлитту, оказавшемуся на тот момент (видимо, в связи с коронацией царя) в Москве (1547 г.), призвать на Русь иностранных специалистов для разного рода сельских и ремесленных дел. Ливония в то время вместе с Ганзейским торговым союзом проводила политику изоляции Руси от Западной Европы и недопущения в русские земли мастеров, врачей, агрономов и иных специалистов своего дела. В связи с этим в 1548 г. против Г. Шлитта в городе Любеке был организован судебный процесс. Набранных им мастеровых людей, пожелавших отправиться на Русь, частично насильно вернули назад, частично заставили остаться в Ливонии и работать там практически на правах крепостных, а отдельные наиболее активные из них даже были казнены. Так что торговые санкции осуществлялись против нашей страны и в те далекие времена.

В последние десятилетия санкционная политика, направленная против России, существенно активизировалась. Соответственно, возросло и внимание многих исследователей к ее природе, характеру и последствиям [Экономические... 2018; Международные... 2014; Экономические... 2019; Политика... 2018]. Для системного анализа и оценки таких санкций особое значение имеет философско-исторический контент. На текущий момент очевидно, что сам характер и природа таких санкций несколько иные, чем прежде. Для экономических санкций эпохи Средневековья были характерны следующие особенности:

- такие санкции применялись отдельными европейскими государствами и не носили тотального характера;
- подобные санкции осуществлялись в острой борьбе между разными странами за влияние на русские рынки источников сырья и сбыта;
- экономические санкции против нашей страны не наносили существенного вреда самим европейским государствам;
- антирусские экономические санкции распространялись на действия самих европейских стран и мало затрагивали российский бизнес, ориентированный в основном на внутренний рынок, не вели к блокаде продажи русских товаров за рубежом;

– применение экономических санкций формально объяснялось не агрессивной политикой русского государства, а варварским характером русской цивилизации.

Наиболее ярким примером в этом отношении как раз являлся Ганзейский союз, стремившийся не к ограничению, а к монополизации торговли с Русью [Бережков 2016]. Кроме того, можно сослаться и на оценку английского «гостя» (гостями в древности на Руси называли иностранных торговцев, купцов) Джайлса Флетчера, который в своей книге «О государстве Русском» (1591) назвал Русь варварской страной. Вероятно, сказалось то обстоятельство, что на Руси англичанин пробыл недолго и по каким-то причинам практически все время содержался под домашним арестом. А к арестантам и тайным шпионам, как известно, отношение совсем иное, нежели к друзьям.

Поэтому нельзя согласиться с мнением некоторых современных российских авторов о том, что книга Дж. Флетчера является «объективным и бесценным историческим источником» [Карацуба 2007]. Скорее, это один из ранних (первых) примеров надуманного компромата в отношении нашей страны со стороны западных визитеров.

На протяжении всего срока правления династии Романовых, которая породилась со многими монархиями Западной Европы, сколько-нибудь серьезных санкций против России не было. Но это объясняется не пересмотром морально-этической оценки русской культуры и цивилизации со стороны европейцев, а скорее той мощью, которую обрела Россия. В 1815 г. после победы над Наполеоном она оказалась единственной реальной великой державой в мире, когда на Венском конгрессе продиктовала собственную волю всей Европе. Даже крохотная Швейцария как отдельное государство, не говоря уже о спасенной русским оружием Пруссии, стала независимым государством благодаря воле российского императора Александра I.

Но все изменилось после Крымской войны, которая показала существенное ослабление России. Почувствовав ее слабость, объединенная Европа, согласно условиям Парижского мирного договора, запретила России иметь свой Черноморский флот. Это привело к тому, что наша страна на какое-то время утратила возможность контролировать торговое судоходство в регионе. Только с возвращением русского флота в 1871 г. в Севастополь ситуация изменилась.

Очередная волна экономических санкций обрушилась на Россию после Октябрьской революции 1917 г. и установления в стране советской власти. На этот раз они носили ярко выраженный политический контекст: любой ценой свергнуть новую власть. В 1917 г. США, в 1918 г. – Франция и Великобритания, в 1919 г. Германия разорвали торговые отношения с СССР. В 1925 г. против России были введены так называемые «золотые санкции», когда западные страны отказались торговать с СССР за золото, а в 1930 г. запретили импорт всех советских товаров.

Характерной чертой новых экономических санкций было то обстоятельство, что европейские страны и США рассматривали Советскую Россию как рынок для сбыта своих собственных товаров, но никак не в качестве экспортера промышленной продукции. Иначе говоря, санкции носили односторонний характер. Те же США в 30-х гг. XX в. были основным торговым партнером СССР. «Любимым капиталистом Советского Союза» стал американский предприниматель А. Хаммер

[Любимый... 2017], который на пару с другим бизнесменом А. Гарриманом вел не только спекулятивную, но и активную концессионную деятельность в СССР [Мишина 2017].

Антироссийская санкционная политика конца XX в. – первой трети XXI в.

После окончания Второй мировой войны характер и масштаб экономических антироссийских санкций существенно изменились. В 40-х гг. XX в. странами НАТО был создан так называемый Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю и составлены списки товаров, запрещенных для ввоза в СССР и другие социалистические страны. В 1974 г. была принята поправка Джексона – Вэника к закону о торговле США, запрещающая установление режима наибольшего благоприятствования в торговле и кредитной сфере между США и странами, препятствующими свободной эмиграции. И хотя повод для этой поправки оказался давно исчерпан, сама она была отменена в отношении нашей страны только в 2012 г. Но ее место заняла новая санкция – так называемый закон Магнитского. Все это свидетельствует о явной политической подоплеке экономических санкций, которые не имеют ничего общего с объективными экономическими интересами тех стран, которые их применяют. Сегодня очевидно, что политика теперь руководит экономикой, «хвост управляет собакой».

Однако возникает вопрос о философской и мировоззренческой основе таких санкций. Без ответа на него вряд ли можно представить себе саму природу санкционной политики.

Современное общество давно перестало быть обществом с рыночной экономикой. Политический истеблишмент активно влияет на национальные экономики, определяет их характер, тенденции развития. Чистая рыночная экономика и свободная и добросовестная конкуренция давно уже остались в прошлом, в основном – на страницах американских учебников по экономике середины XX в. В индустриально развитых странах сложилась и в настоящее время функционирует модель государственно-монополистического капитализма (ГМК). А точнее, модель бюрократической экономики, суть которой состоит в том, что размер доходов политиков и управленцев зависит не от эффективности их действий, а от их места в служебной, управленческой иерархии, и что все средства бюрократия стремится расходовать для реализации своих собственных интересов [Нисканен 2004]. Учитывая то обстоятельство, что печатный станок по выпуску долларов находится в руках США, мировая экономика оказалась в заложниках у американского политического бомонда и проамериканской западноевропейской политической элиты. В основе такой ориентации лежат не столько идеи евроатлантической солидарности, сколько сугубо монетарные соображения и однополярный характер мировой валютной системы – наследницы Бреттон-Вудс.

Именно поэтому «коллективный Запад» так нервно воспринял стремление Российской Федерации к переходу на расчет по нефти и газу на национальную валюту. Этот переход может положить начало цепной реакции, когда многие крупные мировые игроки (КНР, Индия, Иран, Саудовская Аравия и др.) также откажутся от доллара в пользу национальных валют. А это чревато крушением не только американской экономики, но и тех национальных экономических систем, которые основаны на американском долларе.

Философия монетаризма, когда деньги просто печатаются, а не зарабатываются, когда спекулятивные финансовые пузыри надуваются и угрожают реальной экономике, когда внешний долг США составляет 85 трлн долларов, и их «можно не отдавать», когда, наконец, можно арестовывать и даже конфисковать чужую собственность, – все это представляет собой глубокий мировоззренческий кризис, «философию отмены» прежних аксиологических принципов поведения, которые не могут не сопровождаться конфронтацией и конфликтами интересов.

Таким образом, правомерно сделать вывод об определенном изменении (политизации, радикализации и персонализации) характера, содержания и последствий экономических санкций. Эскалация санкций дошла до личного уровня, когда соответствующий американский закон PL 115-44 (*CAATSA*) был дополнен еще и Актом о защите США от агрессии Кремля (*DASKAA*), предполагающим введение санкционных мер против российских политиков и бизнесменов [Политика... 2018: 67]. Иначе как паранойей и истерией персонализацию санкций сложно объяснить.

На современном этапе они представляют собой даже не механизм воздействия на бывших партнеров, а попытки срочного спасения своего монетаристского образа жизни, своей слабеющей экономики. Одной из глубинных причин, диктующих столь одиозные способы «спасения», является масштаб собственных просчетов западных стран в области социальной политики. Казалось бы, высокий уровень потребления в них должен был послужить гарантией для процветания. Однако в глобальной рыночной системе XXI в. произошли тектонические негативные изменения, одним из которых стало появление нового социального класса – *прекариата* (от англ. *precarious* – нестабильный и слова «пролетариат»). Это новый трудовой класс, который составляет практически четверть населения индустриально развитых стран Запада и характеризуется тремя особенностями: необеспеченностью рабочими местами, отсутствием социальных гарантий, ущемленностью в своих гражданских правах [Стэндинг 2014]. Если к этому добавить формирование многочисленного социального класса из мигрантов, прибывших на Запад с Востока и пополнившего нищие слои населения, а также кризис политики мультикультурализма, то картина становится совсем апокалиптической. Потому-то и приходится радикальными средствами искать «выход на стороне».

«Стреляя себе в ногу» только для того, чтобы убедить свое население в прочности монетаристской модели, основанной на американском долларе, который только за 2021 г. обесценился на 7 %, политическая бюрократия Запада предлагает своим согражданам потуже затянуть пояса, научиться жить без российского газа, смириться с ростом цен на бензин, продукты питания и т. д. Но вряд ли такой сценарий способен вдохновить тех, кто на протяжении многих десятилетий уже привык к высокому качеству жизни, высокому уровню потребления.

Смена исторической парадигмы, представляющая собой переход от общества потребления (Ж. Бодрийяр) к обществу риска (У. Бек), от модели бережливого производства [Womack, Jones 2013] к модели быстро реагирующего производства [Сури 2013], оказывается неизбежно связана двумя фундаментальными факторами: во-первых, с диалектикой развития центробежных и центростремительных сил в мире, и во-вторых, с философской трансформацией, с формированием нового типа личного и общественного сознания, нового менталитета и культуры.

Что касается первого фактора, то следует отметить отсутствие какого-то общего, единого алгоритма в развитии центростремительных и центробежных сил, что объясняется действием закона неравномерного социально-экономического развития разных стран и социумов в условиях стихийного характера самого общественного (капиталистического) производства. А это порождает так называемые временные лаги (опережения или отставания) в развитии и усугубляет действие «сил трения», подобно тому как это может происходить в любом механизме, в котором нарушен единый алгоритм функционирования составляющих его частей.

Что касается второго фактора, то в современном информационном обществе разрушается скрытый код индустриальной цивилизации, который включал в себя ранее такие элементы, как стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация [Тоффлер 1999]. И такая трансформация на Западе сегодня происходит в условиях кризиса современного глобализма и экзистенциального кризиса самой личности [Слюсарев, Хусьяинов 2018], которые оказываются по факту намного сильнее предыдущих (например, тех, что наблюдались в XX в.). Деформации личностного и общественного сознания способствует и политика СМИ, обслуживающих исключительно интересы политической транснациональной бюрократии, причем того ее сегмента, который оказывается наиболее платежеспособен, беспринципен и агрессивен. Наиболее опасным является то обстоятельство, что «весь данный мир с множеством взаимодействующих и противоборствующих субъектов, как и прежде, в основном лишь частично саморегулируется и никак не управляется» [Чумаков 2018: 5].

Еще одним специфическим штрихом социально-экономического состояния мирового сообщества является рост его динамики [Гейтс 2006]. В таком алгоритме многие действия, особенно санкционного порядка, вообще либо не просчитываются, либо просчитываются поверхностно, что ведет к существенным ошибкам в принятии и реализации тех или иных управленческих решений. Скороспелый и плохо просчитанный характер экономических антироссийских санкций привел к тому, что цены на российский газ в Европе в марте 2022 г. превысили 3 тыс. долларов за 1 тыс. куб. м. А отказ от долгосрочных договоров по поставкам газа и переход на спот-сделки и краткосрочные фьючерсные контракты лишь повышают риск дальнейшего роста цен на топливо и далее по всем стоимостным цепочкам. Появившаяся возможность повышения предложения газа, нефти и нефтепродуктов на внутреннем российском рынке создает дополнительные благоприятные возможности для развития российской экономики и роста ее конкурентоспособности. Несмотря на спекулятивный фактор, связанный с недобросовестным поведением некоторых российских компаний, взвинчивающих цены на ряд товаров, власть вполне в состоянии использовать необходимые рычаги для преодоления мультипликативных последствий антироссийских экономических санкций как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Заключение

Антироссийские экономические санкции – как в прошлом, так и сейчас – неразрывно связаны с русофобией, которая, в свою очередь, определяется характером современной западной цивилизации. Этот характер является в основном тех-

ногенетическим, в отличие от культурно-генетического характера Русского мира и российской цивилизации. Долгое время экономика и благополучие Запада строились на выкачивании дешевого сырья и рабочей силы из стран третьего мира. До сих пор мир буквально пронизан многочисленными цепочками поставок, системами связи, различными международными институтами, обслуживающими в первую очередь именно Запад. Но все эти глобальные коммуникации постепенно рушатся в условиях затяжного и первого в истории человечества глобального социально-экономического кризиса. Это ведет к обострению противостояния между Западом и всем остальным миром, в том числе Россией.

Исторически такие обострения носили и до сих пор носят циклический характер, который полостью вписывается в концепцию экономической динамики и долгосрочных волн развития Н. Д. Кондратьева.

В этой связи необходимо отметить следующее. Во-первых, наряду с поступательным развитием существует и так называемое обратное развитие, когда общий ход политических или социально-экономических процессов «описывает волнообразную кривую и является сам по себе процессом обратным» [Кондратьев 1989: 63]. Во-вторых, современное состояние Запада находится на понижательной фазе долгосрочного экономического цикла со всеми вытекающими из этого последствиями. В-третьих, состояние России и Китая, наоборот, в силу разных обстоятельств находится на повышательной фазе долгосрочного цикла развития. В-четвертых, сами циклы бывают различными. Сегодня выделяют циклы консервации, обскурантистские, релаксационные и инновационные циклы [Шабатура 2003: 18].

Запад оказался в последние десятилетия в ловушке обскурантистского цикла, тогда как Россия – в рамках инновационного цикла. Это особенно ярко видно на примере опережения Россией Запада в области развития военных технологий, которые, как известно, имеют свойство «вытягивать» за собой и гражданские отрасли национальной экономики.

На эти особенности текущего момента накладываются и фундаментальные культурные различия между Западом и Россией, которые до сих пор находят свое проявление в соборности, коллективизме, софийности, сизигии, самоотверженности и других исторических особенностях Русского мира. Все стремления нашей страны к европоцентризму оказались не более чем иллюзией отдельных социальных сил внутри страны. Понимание этого обстоятельства как исторического факта наиболее ярко продемонстрировал в своей работе «Россия и Европа» (1869) Н. Я. Данилевский, который писал: «Рано или поздно, хотим мы или не хотим, но борьба с Европой неизбежна...» [Данилевский 2001: 369]. И еще: «Борьба с Западом – единственно спасительное средство для излечения наших русских культурных недугов...» [Там же: 368]. Соответственно, в этой борьбе России «необходимо уменьшить силы враждебной стороны, выделив из числа врагов тех, которые могут быть ее врагами только поневоле, и переведа их на свою сторону как друзей» [Там же: 331]. Спустя 200 лет с рождения автора этих строк они звучат как никогда прежде актуально. Как и слова о том, что, если бы Россией овладел Запад, «он вынул бы из нее душу» [Савицкий 2003: 812].

Таким образом, противостояние Запада и России отнюдь не исчерпывается экономическими, материальными вопросами, оно глубоко затрагивает саму культуру, духовные основания русской цивилизации, психологию и менталитет рос-

сиян. И в этом отношении никакие антироссийские санкции не в состоянии сломать ни русское государство, ни русскую православную веру, ни русский менталитет. Тем более что в своем противостоянии таким санкциям Русский мир не одинок, он опирается на всю Россию, на российскую культуру и цивилизацию в целом. И в этом смысле Россия – это даже не «Heartland», не какая-то, пусть и центральная, по мнению отдельных авторов, часть Евразии, не какой-то «мировой остров», а самостоятельный континент [Алексеев 2019].

То обстоятельство, что политика антироссийских санкций как частный случай глобальной санкционной политики стран Запада превратилась в оружие с «двойным эффектом», а его применение имеет обратные последствия, принципиально меняет не только саму философию хозяйствования, но и философию культуры, философию языка, даже философию техники. Осознание того, что прежняя концепция устойчивого и долгосрочного социально-экономического развития не находит своего практического подтверждения в современном нестабильном мире, что неуклонно растут макроэкономическая, политическая, культурная и экологическая турбулентность, усиливаются неопределенность, нестабильность и риски – все это должно так или иначе привести тех, кто остается в рамках старой санкционной политики, к экономической и политической эрозии с последующей энтропией их политических, культурных и социально-экономических систем. Альтернативой такому сценарию развития являются только конструктивное взаимодействие и сотрудничество.

Литература

- Алексеев А. С. Континент Россия. М. : Вузовская книга, 2019.
- Аристотель. Этика. М. : АСТ, 2010.
- Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. М. : Ленанд, 2016.
- Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. Как добиться успеха в информационную эру. М. : ЭКСМО, 2006.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа // Византизм и славянство. Великий спор: сб. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 325–486.
- Карацуба И. Россия и Англия в зеркале книги Джайлса Флетчера: из истории общественного самосознания и национальных комплексов [Электронный ресурс] : Отечественные записки. 2007. № 5 (38). URL: <https://strana-oz.ru/2007/5/rossiya-i-angliya-v-zerkale-knigi-dzhaylsa-fletcher-a-iz-istorii-obshchestvenno-samosoznaniya-i-nacionalnyh-kompleksov> (дата обращения: 06.04.2022).
- Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. Л. : Лениздат, 1988.
- Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО, 2006.
- Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М. : Экономика, 1989.
- Круть В. Г. Санкции в отношении России: история вопроса и современность // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 6. С. 95–99.
- Любимый капиталист Советского Союза [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/story/25665-hammer-story> (дата обращения: 06.04.2022).
- Международные санкции: угрозы, вызовы и возможности для модернизации экономики России / под ред. Е. М. Роговой, С. Д. Бодрунова, Е. А. Ткаченко. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2014.

Мишина А. А. Концессионная деятельность А. Хаммера и А. Гарримана в Советской России в годы НЭПа // Вестник НАСА. 2017. № 1(13). С. 224–229.

Нисканен В. А. Особая экономика бюрократии // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / под ред. А. П. Заостровцева. СПб. : Экономическая школа, 2004. С. 477–493.

Пикуль В. С. Псы господни. Из неизданного. М. : Вече; АСТ, 2006. С. 173–328.

Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / сост. И. Н. Тимофеев, Т. А. Махмутов. М. : НП РСМД, 2018.

Савицкий П. Степь и оседлость // Русский мир. Геополитические заметки по русской истории: сб. М. : Эксмо, 2003. С. 810–822.

Сакоян А. Язык санкций [Электронный ресурс]. 20 марта 2014. URL: <https://polit.ru/article/2014/03/20/sanctions/> (дата обращения: 06.04.2022).

Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности // Век глобализации. 2018. № 4. С. 145–152.

Стожко Д. К. Как рождается ценность: конструирование социальной реальности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 3(43). С. 303–315.

Стожко Д. К. Превращение ценностей в социальные институты // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 3. С. 228–238.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Гараж, 2014.

Сури Р. Время – деньги. Конкурентное преимущество быстро реагирующего производства. М. : Бином, 2013.

Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999.

Трифонов А. Удар по русскому кошельку. История антироссийских санкций [Электронный ресурс]. 2022. 4 марта. URL: <https://histrf.ru/read/articles/udar-po-russkomu-koshelku-istoriya-antirossiyskih-sankciy> (дата обращения: 06.04.2022).

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4. С. 5–15.

Шабатура Л. Н. Социогенез традиции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003.

Экономические санкции против России. Правовые вызовы и перспективы / под ред. С. В. Гландина, М. Г. Дергаева. М. : Инфотропик, 2018.

Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации / под ред. Р. М. Нуреева. М. : Кнорус, 2019.

Womack J. P., Jones D. T. Lean Thinking: Banish Waste and Create Wealth in Your Corporation. New York : Simon and Schuster, 2013.

References

Alekseev A. S. Kontinent Rossiya [Continent Russia]. Moscow : Vuzovskaya kniga, 2019.

Aristotle. Etika [Ethics]. Moscow : AST, 2010.

Berezhkov M. N. O torgovle Rusi s Ganzoy do kontsa XV veka [On the Trade of Russia with the Hansa until the end of the 15th Century]. Moscow : Lenand, 2016.

Geits B. *Biznes so skorost'yu mysli. Kak dobit'sya uspekha v informatsionnuyu eru* [Business at the Speed of Thought. How to Succeed in the Information Age]. Moscow : EKSMO, 2006.

Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe] // *Vizantizm i slavyanstvo. Velikiy spor* [Byzantism and Slavism. Great Controversy]: collection of articles. Moscow : EKSMO-Press, 2001. Pp. 325–486.

Karatsuba I. *Rossiya i Angliya v zerkale knigi Dzhaylsa Fletchera: iz istorii obshchestvennogo samosoznaniya i natsional'nykh kompleksov* [Russia and England in the Mirror of Giles Fletcher's Book: From the History of Public Self-Consciousness and National Complexes]. URL: <https://strana-oz.ru/2007/5/rossiya-i-angliya-v-zerkale-knigi-dzhaylsa-fletchera-iz-istorii-obshchestvennogo-samosoznaniya-i-natsionalnyh-kompleksov> (accessed: 06.04.2022).

Kolesov V. V. *Kul'tura rechi – kul'tura povedeniya* [Culture of Speech – Culture of Behavior]. Leningrad : Lenizdat, 1988.

Komlev N. G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow : EKSMO, 2006.

Kondratyev N. D. *Problemy ekonomicheskoy dinamiki* [Problems of Economic Dynamics]. Moscow : Ekonomika, 1989.

Krut' V. G. *Sanktsii v otnoshenii Rossii: istoriya voprosa i sovremennost'* [Sanctions Against Russia: Background and Modernity] // *Aktual'nyye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy*. 2015. No. 6. Pp. 95–99.

Lyubimyi kapitalist Sovetskogo Soyuza [Favorite Capitalist of the Soviet Union]. URL: <https://vc.ru/story/25665-hammer-story> (accessed: 06.04.2022).

Mezhdunarodnye sanktsii: ugrozy, vyzovy i vozmozhnosti dlya modernizatsii ekonomiki Rossii [International Sanctions: Threats, Challenges and Opportunities for the Modernization of the Russian Economy] / ed. by E. M. Rogova, S. D. Bodrunov, E. A. Tkachenko. St. Petersburg : SPbSTU Publishing, 2014.

Mishina A. A. *Kontsessionnaya deyatel'nost' A. Khammera i A. Garrimana v Sovetskoj Rossii v gody NEPa* [Concession Activities of A. Hammer and A. Harriman in Soviet Russia during the NEP] // *Vestnik NASA*. 2017. No. 1(13). Pp. 224–229.

Niskanen V. A. *Osobaya ekonomika byurokratii* [Special Economics of Bureaucracy] // *Vekhi ekonomicheskoi mysli* [Milestones of Economic Thought]. Vol. 4. *Ekonomika blagosostoyaniya i obshchestvennyi vybor* [Welfare Economics and Public Choice] / ed. by A. P. Zaostrovtshev. St. Petersburg : Ekonomicheskaya shkola, 2004. Pp. 477–493.

Pikul' V. S. *Psy gospodni. Iz neizdannogo* [Dogs of the Lord. From the Unreleased]. Moscow : Veche; AST, 2006. Pp. 173–328.

Politika sanktsiy: tseli, strategii, instrumenty [Sanctions Policy: Goals, Strategies, Tools] / ed. by I. N. Timofeev, T. A. Makhmutov. Moscow : NP RSMD, 2018.

Savitsky P. *Step' i osedlost'* [Steppe and Settlement] // *Russkiy mir. Geopoliticheskie zametki po russkoy istorii* [Russian World. Geopolitical Notes on Russian History]: collection of articles. Moscow : Eksmo, 2003. Pp. 810–822.

Sakoyan A. *Yazyk sanktsiy* [Language of Sanctions]. URL: <https://polit.ru/article/2014/03/20/sanctions/> (accessed: 06.04.2022).

Slyusarev V. V., Khusyainov T. M. Tsifrovaya revolyutsiya i ekzistentsial'nyi krizis lichnosti [The Digital Revolution and the Existential Identity Crisis] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 4. Pp. 145–152.

Stozhko D. K. Kak rozhdaetsya tsennost': konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti [How Value is Born: The Construction of Social Reality] // *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya*. 2018. No. 3(43). Pp. 303–315.

Stozhko D. K. Prevrashcheniye tsennostey v sotsial'nye instituty [Turning Values into Social Institutions] // *Observatoriya kul'tury*. 2019. Vol. 16. No. Pp. 228–238.

Standing G. Prekariat: novyy opasnyy klass [Precariat: A New Dangerous Class]. Moscow : Garazh, 2014.

Suri R. Vremya – den'gi. Konkurentnoe preimushchestvo bystroreagiruyushchego proizvodstva [Time is Money. Competitive Advantage of Agile Manufacturing]. Moscow : Binom, 2013.

Toffler E. Tret'ya volna [The Third Wave]. Moscow : AST, 1999.

Trifonov A. Udar po russkomu koshel'ku. Istoriya antirossiyskikh sanktsiy [A Blow to the Russian Wallet. History of Anti-Russian Sanctions]. 2022. March 4. URL: <https://histrf.ru/read/articles/udar-po-russkomu-koshelku-istoriya-antirossiyskikh-sanktsiy> (accessed: 06.04.2022).

Chumakov A. N. Osnovnyye trendy mirovogo razvitiya: realii i perspektivy [Key Global Development Trends: Realities and Prospects] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 4. Pp. 5–15.

Shabatura L. N. Sotsiogenez traditsii [Sociogenesis of Tradition]. Ekaterinburg : UrFU Publishing, 2003.

Ekonomicheskiye sanktsii protiv Rossii. Pravovyye vyzovy i perspektivy [Economic Sanctions Against Russia. Legal Challenges and Prospects] / ed. by S. V. Glandina, M. G. Dergaeva. Moscow : Infotropik, 2018.

Ekonomicheskiye sanktsii protiv Rossii i rossiiskiye antisanktsii: izderzhki i vygody konfrontatsii [Economic Sanctions against Russia and Russian Anti-sanctions: Costs and Benefits of Confrontation] / ed. by R. M. Nureyeva. Moscow : Knorus, 2019.

Womack J. P., Jones D. T. Lean Thinking: Banish Waste and Create Wealth in Your Corporation. New York : Simon and Schuster, 2013.